

12 МАИ 1982

Литературная газета
в Москве

Реплика

НЕ СЛИШКОМ ЛИ МНОГО ЧУДЕС?

В этой книге (Майя Бессараб. «Сухоxo-Кобылин». Издательство «Современник». М., 1981), как в волшебной сказке, быть побеждается небыль, реальность — легендой, факты — вымыслом.

Русскому драматургу А. В. Сухоxo-Кобылину подарены десять лишних дней жизни: он рождается не 17 сентября 1817 года, как думали до сих пор, а 7 сентября. Зато его любимой сестре Евдокии Васильевне жизнь сократили на целых девять лет: она уходит в мир иной в 1887 году вместо 1896-го. На выбор предлагаются две даты смерти их старшей сестры, Елизаветы Васильевны: 15 марта 1892 года и 27 марта того же (спасибо и на том!) года, — какой хотите, такой и верьте. Читатель волен также предпочесть один из двух адресов особняка Сухоxo-Кобылиных по Б. Харитоньевскому

переулку: № 9 (стр. 10) или № 17 (стр. 24).

В этой книге-сказке не только досрочно рождаются и умирают герои, но и в ударном порядке ставятся спектакли. На два дня, например, перенесена премьера «Свадьбы Кречинского» в Малом театре: с 28 ноября 1855 года на 26 ноября. Что же касается «Смерти Тарелкина», то появление этой «пьесы-шутки на сцене императорских театров было для автора подарком судьбы...» Посмертный дар Сухоxo-Кобылину — но не от переменивой судьбы, а от милостивого автора его жизнеописания. Театр Литературно-художественного общества (или проще — театр А. С. Суворина), где в 1900 году была впервые поставлена «Смерть Тарелкина» (да и то в искаженном виде), никогда не был императорским, а в импера-

торских театрах — Малом и Александринском — при жизни драматурга не ставили последнюю пьесу его трилогии.

Обгоняют время не только писатели и актеры, но и полицейские. Они успевают в третий раз обыскать флигель Сухоxo-Кобылина уже 20 октября 1850 года — за 19 дней до убийства его гражданской жены Л. Симон-Деманш. Но вечно спешить невозможно, и золотую медаль в Московском университете присуждают молодому Сухоxo-Кобылину лишь в августе 1837 года — вместо июня.

А как «История русской живописи», которая, ежели верить автору, вышла в 1837 году, свободно толкует о событиях 1854 года? Без черной магии понять это просто невозможно.

Однако все это еще только цветочки, настоящие чудеса начнутся позднее.

Как известно, Сухоxo-Кобылина избрали почетным академиком в 1902 году. Что же касается Чехова и Короленко, то они стали академиками пораньше — в 1900 году, а два года спустя вышли из академии в знак протеста против незаконной отмены избрания в состав академиков А. М. Горького. Но что нам общеизвестные сведения: взмах волшебной палочки — и вот уже все трое — Чехов, Сухоxo-Кобылин, Короленко — дружно, в один и тот же день проходят в академики! Чуть ранее «выстреливается» глухо-загадочная фраза о встрече Сухоxo-Кобылина с Чеховым в Ницце. Любопытно было бы прочесть свидетельства об этой встрече (или встречах?), если таковые существуют...

Волшебство трансформируется не только биография драматурга, но и его творчество.

Расплюев уже не просто упоминается, но и действует в «Деле». Обличительную характеристику, выданную Тарелкину Нелькиным: «Это особаго рода гадина, которая только в петербургском болоте и водится», — отныне велено считать авторской ремаркой. Запись Сухоxo-Кобылина о знаменитом отказе от власти римского императора Диоклетиана провозглашается... Литературной миниатюрой», созданной самим драматургом.

Чудеса вдоволь встречаются и в справочном аппарате книги. То герценовская цитата, содержащаяся, судя по примечанию, на 470-й стр. 3-го тома «Полного собр. соч. в 30-ти т.» (кстати, такового не существует — тридцатитомник Герцена является всего лишь Собранием сочинений) — оказывается на самом деле отнюдь не в этой книге,

даже не имеющей такой страницы, а в 3-м томе... девяти-томного собрания сочинений писателя. То приходится тщетно искать упоминание имени Гегеля на указанной странице 2-го тома Избранных социально-политических и философских произведений Н. П. Огарева...

Мне трудно судить, какие из упомянутых «чудес» являются просто опечатками, какие прокрались в книгу по вине редакторского коллектива, к каким причастен сам автор. Но так или иначе, слишком уж много этих, мягко говоря, «ошибок» приходится на одну книгу. Как сказал бы Иван Антонович Расплюев: ошибись раз, ошибись два, но ведь не до бесчувствия! А если серьезно: жаль, что подобная увесистая ложка дегтя оказалась в столь необходимой для многих исследователей и почитателей творчества замечательного русского драматурга монографии.

В. СЕЛЕЗНЕВ

САРАТОВ